

Светлана Алешина

Бесплатный сыр – в мышеловке

*Часть сборника
Моя опасная леди (сборник)*

Светлана Алешина

Бесплатный сыр – в мышеловке

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Бесплатный сыр – в мышеловке / С. Алешина — «Научная книга», 2002

«...Неожиданно в дверь постучали, и на мое «да-да» в кабинет вошел Костя и два неизвестных мне субъекта, один из которых был в милицейской форме. Лицо нашего водителя было таким, что краше в гроб кладут.– Что случилось, Костя? – с тревогой спросила я. Шилов ничего не ответил, а вместо него заговорил один из вошедших мужчин, тот, что был в штатском:– Прошу прощения, но нам нужен гражданин Старовойтов.– Он мне самой нужен, – хмыкнула я, – уже сорок минут дожидаюсь. А в чем, собственно, дело?– Так вы не знаете, где находится гражданин Старовойтов? – переспросил мужчина, проигнорировав мой вопрос.– Не знаю, – пожала я плечами. – Дома, наверное.– Нет его там, – хрипло сказал Костя.– Да что случилось?! – я ничего не понимала...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Бесплатный сыр – в мышеловке

Глава 1

Терпеть не могу февраль. Погода скачет самым безумным образом: то метель, то дождь, то мороз, солнце и одуряющий пронизывающий ветер. Гипертоники и гипотоники, к которым я, слава Всевышнему, пока не отношусь, маются головной болью. Впрочем, в этом году вся зима такая. Сегодня воскресенье, я готовлю обед и слушаю Жан-Мишеля Жарра в угоду Володке, который недавно заявил, что эта музыка помогает ему концентрировать сознание. Не могу сказать, что я в полном восторге от творений этого француза, но и отвращения они у меня не вызывают.

Мой любимый муж сейчас занят решением зачетных контрольных для слабоумных студентов, которые непонятно каким образом сумели поступить на химфак. Володя для них сейчас последняя надежда, так как в скором времени будут составляться списки на отчисление. Именно по этой причине все любители веселой жизни спохватились и побежали униженно кланяться Витальке Белоусову, который тут же отфутболил большую часть работы моему мужу.

Вообще-то я плохо понимаю, зачем Володе именно сейчас понадобилось концентрировать сознание, когда он сам неоднократно заявлял, что такая, с позволения сказать, работа есть процесс совершенно не творческий, а просто утомительный для правой руки, которая затекает от долгого писания невероятно. Но настроение у меня сегодня благодушное, так как нет необходимости выходить на улицу и месить ногами ледяную жижу, поэтому я не стала спорить с мужем, пусть слушает то, что ему хочется.

На кухне я вот уже второй месяц блаженствую с книгой, так как моя замечательная микроволновка не требует постоянного контроля и сама отключается после выполнения программы. Словом, я теперь перестала с классовой ненавистью воспринимать бытовые кадры из жизни американских домохозяек.

Но воскресенье никогда не бывает у меня выходным в полном смысле слова, в голове обязательно идет интенсивная работа по обдумыванию следующей передачи. А сегодня я прокручивала в памяти недавний разговор с шефом и своими коллегами...

– Ирина Анатольевна, – сказал мне в пятницу после обеда директор, – я вот что думаю: вашей группе нет никакой необходимости выдумывать что-то новое на двадцать второе февраля. Уже можете потихоньку начинать искать интересную кандидатуру для праздничной передачи на женский день. А двадцать второго мы вполне обойдемся повтором.

Слов нет, такое послабление дорогого стоит. Но я уже давно привыкла к тому, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, поэтому на всякий случай решила уточнить:

– Евгений Иванович, а по какой причине вы приняли такое решение?

– Ну, – улыбнулся шеф, слегка приобняв меня за плечи. – Это же вполне понятно. Накануне Дня Российских вооруженных сил у ваших зрительниц будут другие заботы – ублажить, так сказать, сильный пол. Тем более что этот день объявлен официальным выходным. Так что можете не напрягаться...

И директор удалился в свой кабинет, фальшиво напевая что-то веселенькое. А меня его слова заделали за живое, так что в свой кабинет я буквально влетела:

– Галина Сергеевна, как вам это нравится?

– А что такое? – не поворачивая головы, спросила моя непосредственная начальница, так как в этот момент подкрашивала глаза новой тушью, которую купила в обеденный перерыв у дотошного коммивояжера и еще не успела опробовать. – У нас проблемы с выходом в эфир?

– Да нет, – досадливо отмахнулась я, – с эфиром полный порядок...

– Тогда не понимаю, что ввергло тебя в эту такую ажитацию. – Галина Сергеевна еще раз полюбовалась на результат своих трудов, осталась довольна, аккуратно сложила зеркальце и тушь в косметичку и только тогда соизволила посмотреть на меня. – Через пару часов откатаем передачу и отправимся на выходные... Или у тебя дома что-то случилось?

– Дома у меня все в полном порядке, чего и вам желаю.

– Спасибо, – иронично улыбнулась она. – Тогда успокойся и скажи толком. – Я сейчас говорила с шефом...

– И что? Он понизил тебе зарплату?

– Нет, напротив, он очень доволен нашей с вами работой. И даже предложил двадцать второго пустить повтор, чтобы у нас было больше времени для Восьмого марта.

– Чудо, не иначе, – восторженно закатила глаза Галина Сергеевна. – Так чего же тебе еще, золотая рыбка? Радоваться надо, а не булькать, как закипевший чайник.

– Я бы радовалась, но вот причина этого, как вы изволили выразиться, чудом мне совсем не по душе. – Я скорчила недовольную гримасу.

– А, – отмахнулась Галина Сергеевна. – По мне, так чем меньше работы, тем лучше, а причины – извини, конечно, но они меня волнуют в последнюю очередь, если не отражаются на зарплате.

– Кто бы спорил, – вздохнула я. – Но вы меня сначала дослушайте, тогда поймете.

– Ладно, слушаю. – Режиссер посмотрела на меня с вялым интересом, как бы сомневаясь в моей способности ее переубедить.

– Евгений Иванович предложил повтор, потому что уверен в том, что нашим зрителям будет не до передачи, так как все они будут озабочены предстоящим Днем вооруженных сил, – отчеканила я, победно глядя на Галину Сергеевну, однако моя тирада на нее не произвела никакого впечатления.

– Правильно, – сказала она. – Я совершенно согласна с Женей: двадцать третье февраля уж сколько лет считается чем-то вроде всероссийского Дня мужчин, как бы в противовес Восьмому марта. А теперь, насколько я знаю, и правительство с этим согласилось, объявив узаконенный выходной.

– Но это же неправильно! – возмутилась я. – Как вы можете с этим соглашаться? Ведь огромное количество мужчин ни малейшего отношения к армии не имеют!

– Вот-вот, – поддержала меня Лера, которая несколько минут назад вернулась в кабинет из монтажной и слушала нас с Галиной Сергеевной, чтобы понять, о чем идет речь. – Международный женский день потребовался для того, чтобы хоть один день в году женщины могли отдохнуть от мужской тирании и диктата сильного пола. Я, например, не отказываюсь считать двадцать третье февраля праздником всех мужчин. Гурьева и Костю поздравлю, а Павлик пусть и не надеется – он даже от армии откосил, хотя здоров, как бык!

– Знай наших! – я изобразила что-то вроде жеста кубинских партизанок и пожала Лере руку.

– Так, сударыни феминистки, – Галина Сергеевна оперлась руками о стол и принялась в раздражении барабанить пальцами. – И что вы предлагаете? Пригласить в студию руководительницу Тарасовского отделения Движения солдатских матерей и обсудить в эфире проблемы разоружения, сокращения армии и альтернативной службы? Да вы представляете, что Евгений Иванович сделает с нами за такую передачу?

– Ничего такого мы не предлагаем, – я умиротворяюще подняла ладонь. – Хотя ваша идея интересна, ее тоже можно использовать в подходящий момент.

– Да? – Галина Сергеевна польщенно улыбнулась. – Я подумаю на эту тему на досуге... А сейчас-то ты что все-таки предлагаешь?

– Я хотела бы сделать передачу о месте женщины в армии...

– Ну, жену какого-нибудь военного найти будет несложно, – без энтузиазма протянула моя начальница. – Или военнообязанную медичку... Но из этого, как мне кажется, много не выжмешь. К тому же, насколько я знаю из личного опыта, жены военных – это беспринципные стервы, повыходившие замуж ради удобного положения, а теперь в связи с известными изменениями в нашей стране эти дамочки могут только пилить своих мужей и горько жаловаться на свою загубленную молодость. Хотя, если тебе не лень, Ирина, ты можешь поискать какую-нибудь декабристку, говорят, они еще окончательно не перевелись...

– А вы злая, Галина Сергеевна, – укоризненно высказалась Лера.

– Нет, я не злая, – Галина Сергеевна и не подумала обижаться на свою помощницу, – просто я реально смотрю на жизнь и вижу вещи такими, какие они есть, без прикрас и не сквозь розовые очки. Я, Лерочка, выросла рядом с Тарасовским ракетным училищем и насмотрелась там всякого, особенно в семидесятые.

– Оставьте жен военных в покое, – поморщившись, попросила я. – Они меня не интересуют в данный момент ни в малейшей степени.

– А что тебя интересует? Извини, но я не вижу больше никаких кандидаток на роль героини задуманной тобой передачи.

– Я хочу показать женщину-солдата, понимаете? – отчеканила я. – Сейчас уже не редкость девушки, которые идут в армию.

– Да? Интересно, где ты ее собираешься искать? Дашь объявление в газету? Имей в виду: я изначально была против лишней работы, так что вся эта затея целиком и полностью твоя. Хочешь – ищи, а я и пальцем не пошевелю! Вот если ты приведешь мне такую даму прямо сюда, тогда, может быть, я буду работать. А сейчас займись своими непосредственными обязанностями – у тебя через час эфир.

– Будьте уверены – найду! – Я повернулась на каблуках и вышла из кабинета, кипя негодованием. Никогда у нас с Галиной Сергеевной не было таких вот сцен, обычно мы прекрасно ладили, а мелкие разногласия легко улаживали.

– Ирина! – меня догнала Лера. – Не расстраивайтесь, Галина Сергеевна все это не всерьез говорила. А я буду вам помогать.

– Спасибо, Лера, – невесело улыбнулась я. – Мне тоже не следовало горячиться. Да и, честно говоря, я пока плохо представляю, где мне искать такую женщину. У тебя никого нет на примете?

– Нет, – огорченно пожала плечами Лера. – Но я поспрашиваю своих знакомых... У нас с вами обязательно все получится!

– Надеюсь...

В субботу я обо всем этом не думала, расслабившись и отдыхая душой и телом в обществе любимого мужа. А вот сегодня раз за разом прокручивала в голове этот разговор и все больше убеждалась в том, что Галина Сергеевна до некоторой степени права. Нет, конечно, не в том, что моя затея – это лишняя работа, а в том, что трудно найти подходящую героиню. В самом деле, где я буду ее искать? Ходить по улице с плакатом: «Требуется женщина-военный»? Глупость страшная, результатом которой будет только недоуменная насмешка окружающих. Да и времени у меня нет на подобные нелепости...

– Ириша, – позвал меня Володя из комнаты, – как там у нас дела с обедом? Я через пару минут заканчиваю.

– Вот и хорошо, – откликнулась я, отвлекаясь от своих невеселых мыслей. – Мне осталось примерно столько же...

За обедом я рассеянно слушала мужа, вяло ковыряясь в своей тарелке, так как аппетит у меня пропал напрочь. Володенька, наоборот, мою стряпню хваливал, а поев, растроганно поблагодарил поцелуем, к которому присовокупил мечтательное высказывание о том, как хорошо было бы, если бы я готовила и в будни. Потом супруг засобиравшись к коллеге Вита-

лию, сказав, что тот просил принести работы, как только они будут готовы. Я тоскливо выглянула в окно: там шел снег пополам с дождем и противно завывал ветер. Оставалось только посочувствовать Володе и попросить его возвращаться поскорее.

– Не скучай, Ирочка, я мигом, только туда и обратно, – ободряюще улыбнулся муж, скрываясь за дверью.

Я осталась одна и, чтобы не думать о своих невеселых проблемах, занялась всяческими хозяйственными мелочами, которые тоже когда-нибудь надо делать. У меня уже скопилась целая полка еще вполне приличных вещей, нуждавшихся в починке. Я вооружилась иголкой и нитками, вставила в приемник компакт-диск с любимыми классическими произведениями и приступила к работе.

Диск успел прокрутиться трижды, а Володя все еще не возвращался. Меня начало одолевать смутное беспокойство, так как три с половиной часа – срок приличный, а Белоусов живет от нас в двадцати минутах быстрой ходьбы. И куда это, интересно, запропастился муж? Обещал же вернуться быстро...

Но мое богатое воображение еще не успело разгуляться в полную силу и добраться до представления всяческих ужасов, могущих случиться с Володей, как из прихожей донесся звук открываемого замка. Слава богу! Я бросила свое рукоделье и побежала встречать мужа.

Он стоял в прихожей, одной рукой расстегивая куртку, а другой бережно держа пакет с неизвестным содержимым, и улыбался. У меня отлегло от сердца, но я для профилактики обратилась к нему с напускной суровостью и подозрительностью:

– И это называется мигом? Ты где был?

– Я бы сказал, что пиво пил, но это будет неправда, – ухмыльнулся Володя. – Зато теперь ты понимаешь, как я волнуюсь, когда тебя долго нет и я не знаю, где ты обретаешься.

– Ага, так это твоя месть? – Я встала в позу оскорбленного достоинства.

– Ну, конечно, нет, ты же знаешь, что в моем сердце нет места этому низменному чувству, – с утрированным пафосом ответил Володя. – Оно переполнено нежностью к моей любимой жене. Просто Виталька рассчитался со мной сразу, так как стал брать за работу авансом, да еще и дал больше, чем я рассчитывал. Я поинтересовался, с чего такая щедрость, но он только туманно высказался, что «инфляция не стоит на месте», и в дальнейшие объяснения вдаваться не стал. Впрочем, это не главное.

– А что главное?

– Главное – в пакете. Я заметил, что тебе грустно, поэтому прогулялся до рынка, чтобы тебя порадовать. Держи и радуйся! – С этими словами муж протянул мне пакет.

Я заглянула внутрь и растаяла. Милый, милый Володенька, как хорошо он знает, чем можно поднять мне настроение! В пакете лежала коробочка обожаемых мною конфет «Рафаэлло» и... и еще одна коробочка. Небольшая, довольно яркая, с пластиковым окошком, через которое просматривалось что-то непонятное.

– Доставай осторожно, – предупредил меня Володя.

Я прошла в комнату, поставила пакет на стол и аккуратно извлекла коробочку на свет божий. В ней помещался изумительной красоты цветок без стебля, укрепленный в крошечной чашечке с водой. Казалось, что нежно-кремовые вычурные лепестки с золотистыми прожилками пропитаны солнечным светом и будут светить в темноте.

– Он живой? – потрясенно спросила я.

– Да, и продавец сказал мне, что эта орхидея простоит больше месяца, так как в чашечку добавлен специальный состав. Только нужно изредка добавлять подслащенную воду, а орхидею лучше оставить в коробочке.

– Так это орхидея? – изумилась я. – Я ее раньше видела только на картинках и по телевизору. Никогда не представляла, что они такие красивые... Где ты взял это чудо?

– Просто купил, – немного смущенный муж был явно доволен моими восторгами. – Повезло случайно.

– Но она же, наверное, стоит сумасшедших денег?

– Ерунда, – отмахнулся Володя и привлек меня к себе. – Зачем еще нужны деньги, как не для того, чтобы порадовать тебя?

– Спасибо.

Я была ужасно тронута и обрадована. Весь вечер мой взгляд невольно возвращался к прекрасному цветку, покоящемуся в своем теремке, стоящем на журнальном столике. А еще мне хотелось его понюхать.

– Володя, – спросила я, – ты не знаешь, орхидеи пахнут?

– Понятия не имею, – пожал он плечами, – я же не ботаник, а продавец про запах ничего мне не говорил, просто не велел доставать цветок из коробочки и держать подальше от источников тепла, вот и все.

– Тогда я сейчас сама проверю...

Я бережно открыла коробочку, чтобы не потревожить цветок, и склонилась над ним, пытаюсь уловить аромат. Он был, тонкий, едва уловимый и чуть сладковатый, напоминавший дорогие духи «Пуазон». Я вдохнула глубже и вдруг почувствовала, как у меня резко ни с того ни с сего закружилась голова...

Опершись на столик, я прикрыла глаза, но головокружение не проходило. Странно, никогда со мной ничего подобного не случалось.

– Володя, – тихонько позвала я мужа, – помоги мне, пожалуйста, сесть.

– Что с тобой? – Володя тут же оказался рядом и помог мне опуститься в кресло. – Тебе плохо?

– Да нет, ничего страшного, – я слабо улыбнулась, чтобы муж успокоился и не паниковал. – Просто закружилась голова. Наверное, от духоты.

– Может быть, тебе нужно показаться врачу? – Володя все еще встревоженно смотрел на меня.

– Зачем, господи? Уже все прошло. Да и было такое в первый раз... Ерунда это все, просто два дня из дома не выходила, засиделась. Давай откроем форточку и проветрим комнату. Только закрой цветок, чтобы он не замерз.

– Как ты меня напугала, Ириша, – вздохнул муж, потом, подумав немного, спросил: – Слушай, а может быть, это первый признак?

– Какой первый признак? – не поняла я.

– Ну, головокружение, – муж уже хитро улыбался, – отсутствие аппетита...

– Ничего не понимаю, говори яснее! – Я в недоумении уставилась на Володю, затем до меня дошло. – Постой, ты думаешь, что я беременна?

– Ага, – кивнул он.

– Ой... – потрясенно выдохнула я, но тут же опомнилась: – Да нет, ерунда, этого не может быть.

– Уверена?

– Абсолютно. – Я уже окончательно пришла в себя и успела перебрать в голове все женские приметы и особенности, чтобы отвечать уверенно. – Извини, любимый, но на этот раз твои подозрения беспочвенны.

– А жаль, – протянул муж.

Остаток вечера мы провели в обсуждениях проблемы по обзаведению ребенком и в конце концов сошлись во мнении, что пока не время, хоть я и видела, что Володя согласился с этим выводом скрепя сердце.

* * *

В понедельник погода решила исправиться, словно ей стало стыдно за неумеренное издевательство над людьми, которое она устроила в выходные. На небе кучковались рваные облачка, было безветренно и довольно тепло. Я пошла на работу пешком, памятуя о вчерашнем головокружении, чтобы подышать свежим воздухом, а заодно настроиться на трудовую деятельность.

В кабинете меня встретила Лера, поздоровалась и, покаянно вздохнув, выдала:

– Извините, Ирина, но я никого не нашла. Все мои знакомые только пальцем у виска вертели, намекая на то, что у них таких сумасшедших на примете нет.

– Ничего, Лера, у нас в запасе еще две недели, так что я уверена – все получится, – бодро ответила я, хотя никакой уверенности не ощущала. – Давай пока думать о текущих делах. Кого показываем в эту пятницу? Напомни мне, а то я что-то подзабыла.

– Есть две кандидатуры: Наталья Горячева, победительница конкурса «Хрустальная корона», и Перова Людмила Ивановна, которая выращивает бонсай. Галина Сергеевна пока еще не решила, кто из этих двоих предпочтительней. Вот придет, тогда и определимся окончательно.

– Да-да, – рассеянно покивала я. – А тебе самой-то кто больше нравится?

– Мне? Людмила Ивановна, конечно. Эти ее деревца, внуки, ватрушки по субботам... Такая милая тетушка, просто образец обывательского представления о счастье!

– А что так зло? – поинтересовалась я, уловив в голосе Леры явную нотку сарказма. – Сама же говоришь, что она тебе больше нравится.

– Знаете, Ирина, – поморщилась наша помощница, – с Людмилой Ивановной, конечно, работать будет легко, получится милая уютная передача, но я совсем не так представляю себе свое счастье.

– Знаю я твое представление, – усмехнулась я. – Глаголом жечь сердца людей... Ладно, все это лирика, к делу отношения не имеющая. А юная королева красоты что?

– А, – махнула Лера рукой, – у нее уже звездная болезнь началась! Тут уж, сами понимаете, злых вопросов на передаче будет тьма.

– Так это же хорошо! Передача получится острой.

– Вряд ли, Наташенька большим умом не отличается. Если что и получится, так роскошная склока в эфире на всю губернию. Вот разве что заставить девочку ответы наизусть учить, так не станет ведь: она гордая!

– Страсти какие, – усмехнулась я. – Что-то ты, моя дорогая, с утра не в своей тарелке, злишься на весь свет. И та тебе не угодила, и эта... Случилось что-то?

– С Павликом вчера поругалась...

– А по какому поводу? – спросила я, так как эти двое были из разряда тех, кого называют заклятыми друзьями. Их вялотекущий роман, не затухающий и не перерастающий ни во что серьезное, был притчей во языцах чуть ли не у всего телецентра.

– Мы ходили в кафе, и я спросила Павлика, нет ли у него знакомых женщин-военных. Он ответил, что нет, затем стал выяснять, зачем мне это надо, рассказала о нашем разговоре...

– Понятно, можешь не продолжать. Нашего оператора задел твой неприкрытый феминизм. Это я тебе и так могла предсказать... И сильно поругались?

– Да как вам сказать... но он первый начал! Так что мы теперь не разговариваем.

– Как дети, ей-богу! – покачала я головой укоризненно. – Ладно, Лера, выбрось из головы свои обиды и поведай мне подробно все, что тебе известно о Перовой и Горячевой.

– Как скажете...

Я вооружилась листом бумаги с ручкой, чтобы по ходу Лериного рассказа сделать пометки на будущее, и даже успела кое-что записать до того момента, как появилась вечно опаздывающая Галина Сергеевна.

– Доброе утро, девочки, – с улыбкой поздоровалась она, вливаясь в кабинет. – Вы одни?

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – ответила я. – А кого еще вы хотели бы здесь застать? Для Павлика еще рановато.

– Я вовсе не о нем вас спрашиваю. Я думала, что у вас уже сидит героиня для военной передачи. – Ее улыбка стала насмешливой, а потом и вовсе пропала. – Не обижайтесь, мы с вами в пятницу погорячились, вот я и не смогла удержаться от подначки. Чем заняты?

– Обсуждаем кандидатов, – ответила я, решив удовлетвориться извинением и не реагировать на колкость. – А вообще-то, ждем вас.

– А я разве сильно опоздала? – Галина Сергеевна собралась обидеться.

– Нет, не очень, как всегда, – ответила Лера.

– Ну и хорошо, – расслабилась наш режиссер. – И на ком вы остановили свой выбор?

– Лере больше нравится Людмила Ивановна.

– Я с ней согласна. Давайте сделаем спокойную добрую передачу, а красавицу оставим на потом. Конкурс только что прошел, все его видели, подождем немного, пока страсти улягутся.

– Значит, решено, – подвела я итог. – Ждем Павлика и едем к Перовой. А пока, раз вы обе уверены, что с Людмилой Ивановной никаких проблем не предвидится, давайте набросаем сценарный план.

Наш оператор появился в кабинете через час.

– Всем доброе утро, – сказал он, хотя по его виду было заметно, что это утро он таковым не считает.

Павлик уныло доплелся до кресла, плюхнулся в него, повозился, устраиваясь поудобнее, и с надеждой взглянул на меня:

– Ирина, можно я немного тут у вас подремлю?

– Нельзя, – ехидно ответила я. – Сейчас Лера договорится насчет машины, и мы поедем снимать.

– Вот так всегда, – горестно вздохнул Павлик, – нигде мне, бедному, покоя нет.

– Покой нам только снится, – продекламировала Галина Сергеевна.

– Вот пусть бы он мне и приснился, – проворчал оператор, – так вы спать не даете.

– Дома нужно спать, – процедила Лера и, демонстративно чеканя шаг, прошествовала мимо Павлика.

– Я дома не мог, у меня батарею прорвало. – Парень потер глаза и отчаянно зевнул. – Всю ночь с тряпкой носился, а утром за слесарями охотился, вот и опоздал. Думал, вы меня пожалеете...

– Беденький ты наш, – я скорчила жалостливую мину. – Батарею-то тебе хоть починили?

– Какое там! – махнул рукой Павлик. – Оторвали и выкинули, теперь новую покупать надо. В комнате холодильнике – кошмар! Буду к Косте на постой проситься, пока все это безобразие не закончится.

– Да, тебе не позавидуешь, – протянула Галина Сергеевна. – Ирина, может быть, дадим ему поспать, а к Перовой поедем после обеда?

– Не думаю, лучше мы сейчас все-таки съездим, а с обеда отпустим домой эту жертву наводнения. Павлик, тебя такой вариант устроит?

– Более чем, – воспрял духом оператор и даже перестал зевать. – Я тогда пробежусь по хозтоварам, приценюсь к этой треклятой железке, а вечером с Костей привезу ее домой.

– Ну вот и договорились, – удовлетворенно кивнула я. – А где же наша Лера?

– Я здесь, – откликнулась помощница, входя в кабинет.

– Отлично, собираемся и едем.

– Нет, не едем.

– Почему это? – в один голос переспросили мы с Галиной Сергеевной.

– Наш незаменимый Костик будет только через два часа: он отпросился у шефа встречать армейского друга. А на Агееве Гурьев укатил, – пояснила Лера.

– Судьба, – резюмировал Павлик, закрывая глаза.

– Черт знает что! – вспыхнула я. – И что мы будем делать эти самые два часа?

– Успокойся, Ирочка, – поморщилась Галина Сергеевна. – Бери пример с Павлика.

– Если я буду с него брать пример, то мы с вами сможем делать от силы одну передачу в месяц, – проворчала я, усаживаясь на свое место.

– Не преувеличивайте, Ирина, – улыбнулась Лера. – Давайте я вам пока прочитаю статью о бонсай. Так сказать, для лучшего владения темой.

– Читай, чего уж теперь, – вздохнула я. – Будет Павлику вместо колыбельной.

Лера принялась нудно декламировать текст статьи, а я честно пыталась вникнуть в содержание. Получалось плохо. Японские каноны эстетики запоминаться не желали совершенно. Я даже как-то отстраненно поудивлялась тому, что вся эта премудрость вдохновила простую, как говорит Лера, русскую женщину, которой больше подходит выращивать ремонтантную клубнику или помидоры «Бычье сердце». Хотя... вот и первый вопрос к Людмиле Ивановне, и даже удивление разыгрывать не придется.

Раздался деликатный стук, и в дверь просунулась смущенная физиономия Кости.

– Добрый день, – поздоровался он, втискивая свое тренированное тело в наш кабинет. – Ирина Анатольевна, не сердитесь, пожалуйста, я уже освободился.

– Да я не сержусь вовсе, – пожала я плечами. – Лера, растолкай этого спящего красавца, пора ехать. Кстати, героиня-то наша в курсе?

– В курсе, – кивнула Лера, – я ей звонила. А «красавца», – тут девушка плотоядно ухмыльнулась, – «красавца» я разбужу с удовольствием.

С этими словами наша помощница с совершенно неженской силой принялась трясти кресло, словно вознамерилась вытряхнуть из него Павла на пол. Ручаюсь, если бы оператор не проснулся сразу, ей бы это удалось.

– А? Что? – Павлик вскочил, заплотшно оглядываясь по сторонам.

– Кончай ночевать, доброе утро уже миновало! – Костя ободряюще похлопал парня по плечу. – Работать будешь.

– Вот ведь жизнь, – вздохнул Павлик, протирая глаза. – Сначала спать не давали, а теперь будят с садистской жестокостью...

– Павлик, не налей, – призвала его к порядку Галина Сергеевна. – На работе нужно забыть обо всех своих проблемах и работать. Поэтому быстренько мобилизуйся, изыщи внутренние резервы, и за дело!

– Ладно, – обреченно покорился оператор, – в конце концов я могу и в машине покемарить.

Глава 2

Людмила Ивановна жила довольно далеко от телецентра, так что Павлику удалось реализовать свои планы насчет покемарить. Мы с пониманием отнеслись к его естественному желанию, переговариваясь в машине вполголоса. Все-таки ничто человеческое нам не чуждо, в том числе и милосердие к ближнему.

Оказавшись в квартире нашей героини, мы словно провалились в дыру во времени, примерно лет на сорок назад как минимум. Пузатый комод, венские стулья, бархатная скатерть на круглом столе, кружевные салфеточки, фотографии в рамочках на стенах, море комнатных цветов... И запах свежеспеченной сдобы. Хозяйка квартиры оказалась под стать этой обстановке: невысокая пухленькая старушка в круглых очочках, в старомодной белой блузке с брошкой и темно-синем шерстяном сарафане. Она буквально с порога начала изливать на наши головы потоки гостеприимства и радушия, раздала всем самодельные тапочки и потащила к столу, на котором громоздились блюда с пирогами, пирожками и плюшками. Особенно старушка хлопотала вокруг Павлика и Леры, сокрушаясь об их худобе.

Оператор искренне обрадовался угощению, а наша помощница страдальчески закатила глаза, когда Людмила Ивановна не могла ее видеть. В общем, к делу мы приступили только через полчаса.

– Людмила Ивановна, – обратилась я к хозяйке, – а где же ваши знаменитые растения? Что-то я их не вижу. Фигус, герань, лимон, традесканция – это все не удивительно.

– Ирочка! – всплеснула руками старушка. – Разве же можно держать бонсай в такой атмосфере? Эти деревца очень деликатные, им нужен особый температурный режим. Пойдемте, я вам все покажу.

Женщина подвела нас к двери на лоджию и распахнула ее.

– Вот, – она гордо посмотрела на меня, – это мое царство.

– Боже! – только и смогла я выдохнуть.

Лоджия была превращена в маленький сад, где каждое растение находилось на своем, строго отведенном ему месте и подсвечивалось умело спрятанными светильниками. Все это было настолько красиво и так сильно отличалось от того, что было в самой квартире, что я на некоторое время онемела и могла только молча любоваться. Хозяйка же в это время вооружилась пульверизатором и принялась бережно обрызгивать крохотные деревца. Мне она казалась какой-то древнеславянской богиней, когда склонялась над карликовым дубом, росшим на холме. Вообще, все было устроено так, что возникало ощущение изменения реальности, словно это не деревья были карликовыми, а Людмила Ивановна была великаншей.

– Как же вам удалось все это сделать? – наконец смогла заговорить я.

– Это довольно долгая история, – улыбнулась старушка. – Я родилась на Сахалине, Японские острова были совсем рядом, а в соседнем доме жил замечательный человек, преподаватель биологии Капитон Евграфович Болдин, еще из бывших. Он-то и привил мне любовь к растениям. Сначала я выращивала дома все, что только под руку подворачивалось, отец и мать сначала ругались, потом решили, что я стану агрономом, да не сложилось... Папа погиб во время войны, маму парализовало, я должна была очень рано начать зарабатывать на жизнь, какая уж тут учеба...

У Людмилы Ивановны навернулись слезы на глаза, но она достаточно быстро справилась с собой.

– Пошла на завод, но цветы свои не бросила, хоть и уставала страшно. Придешь, бывало, со смены домой, ноги гудят, руки отваливаются, а посмотришь на кустики, поговоришь с листочками, и легче становится. Так и жила, пока не встретила своего Васеньку. – Старушка показала рукой на стену, где висел большой портрет бравого морячка с заливчатскими усами в

сбитой на затылок бескозырке. – Он здешний, тарасовский, Васенька-то мой. Вот и увез меня сюда с Сахалина. Мама-то моя к тому времени уже померла... А с Дарьей Петровной, свекровью моей, царствие ей небесное и земля пухом, мы сразу поладили. Она меня как дочку родную приняла и готовить научила. Всегда, покойница, приговаривала: «Люсенька, чтоб в семье мир был, мужа в первую голову кормить надо хорошо. Тогда тебе никакие соперницы не страшны будут. Ежели мужик от доброй еды отяжелеет, куда ж он пойдет? А во вторую голову, никогда не плачь: слезы, они семью изнутри разъедают почище ржавчины...» Мудрая женщина была.

С этим утверждением я не могла не согласиться, хотя насчет кормления и сытого мужика могла бы поспорить, но не стала, а постаралась вернуть хозяйку к теме растений.

– Людмила Ивановна, а ваше увлечение в новой семье прижилось?

– А как же! Дарья Петровна мне даже ко всякому празднику не обновки дарила, а всякие редкие цветы: сразу поняла, что невестке милее. Да и так то отросточек какой от подруги принесет, то семена. Уговаривала поступать учиться, да только я уже тогда своего первенького ждала, потому и не пошла. А бонсай я начала выращивать уже после того, как дочку родила. Я ведь с учителем моим бывшим, Капитоном Евграфовичем, переписывалась. И вот как-то приходит мне извещение на посылку. Иду на почту, удивляюсь, потому что обратный адрес сахалинский, но не Болдина, а какой-то организации. Оказалось, умер мой учитель и завещал мне часть своих книг. В этой-то посылке я и нашла книжку о том, как выращивать бонсай. Это был последний труд Капитона Евграфовича. Он перевод сделал, да и сам кое-что добавил. Я как посмотрела на фотографии, так и загорелась. Да и память учителя захотелось почтить. Сначала трудно было, два деревца даже погибли, а потом научилась, дети стали помогать. А когда Васенька на пенсию вышел, так и он в стороне не остался. Как нам квартиру новую дали в семьдесят седьмом, так он сразу сказал, что лоджия вся моя будет, и помогать стал: освещение сделал, водяные устройства, чтобы влажность поддерживать, калорифер приспособил, у него руки просто золотые. А Машенька, дочка моя младшая, пейзажики рисовала, говорила, пусть все выглядит словно на самом деле, она ведь художница, сейчас в театре работает, декорации к спектаклям делает.

История нашей героини мне понравилась, съемочного материала было хоть отбавляй, вопросов честно прожившая жизнь Людмила Ивановна не боялась никаких и отвечала легко и раскованно. А когда вернулся с первой дачной вылазки ее муж, Василий Федорович, я чуть не прослезилась от умиления, так трогательно они смотрелись вместе: крепкий, кряжистый седой усач, называвший жену Людшей, и маленькая кругленькая бабулька, умилительно семенившая следом. Словом, ехидный Гурьев мог бы с полным правом назвать нашу передачу розовыми соплями.

Договорившись с хозяевами о дополнительных съемках с чадами и домочадцами, мы сердечно попрощались и отбыли. Я краем глаза успела заметить, как Людмила Ивановна сунула Павлику объемистый сверток. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться о содержимом этого свертка, так как наш оператор поглощал старушкину выпечку с завидным аппетитом и искренним восхищением.

Как только мы уселись в машину, Павлик обратился к водителю:

– Костя, у меня к тебя две большие просьбы...

– Ну? – лаконично поинтересовался тот.

– Наши дамы милостиво отпустили меня сегодня с работы, пообещав все уладить с шефом, поэтому я тебя прошу проехаться быстренько по хозтоварам и помочь мне привезти домой батарею.

– Это можно, – согласился Костя. – Я даже знаю, где купить подешевле. А вторая просьба?

– А вторая, – Павлик вздохнул, – вторая заключается в том, что я собираюсь набиться к тебе на ночлег, так как у меня дома адская холодина. – Заметив, что наш водитель немного

поморщился, оператор поспешил добавить: – Ты не думай, я не с пустыми руками! – Тут Павлик принародно потряс дареным свертком, чем вызвал наш ехидный женский смех.

– Ничего не получится, Павел, – сокрушенно покачал головой Шилов.

– Почему? – Лицо оператора огорченно вытянулось.

– А ты разве не в курсе? Ко мне сегодня приехал армейский друг.

– Ну и что? – попытался настаивать Павлик. – Втроем посидим, а спать я могу и на полу.

– Не можешь, на полу я сам спать буду. А третьей постели у меня просто нет.

– Костя, – не отставал Павлик, – у тебя же диван раскладывается, разве ты не можешь со своим другом вдвоем улечься?

– Павел, – не выдержала Галина Сергеевна, – нельзя же быть таким неделикатным! Тебе уже отказали дважды, поэтому должен же ты понять, что будешь лишним. Может быть, Костику хочется с армейским другом вдвоем посидеть, повспоминать старое, а ты будешь мешать.

– Да-да, – ехидно ввернула Лера, – скрипач не нужен.

– Не в этом дело, – досадливо поморщился Костя. – Пашка нам не помешал бы. Дело исключительно в спальнях местах, так как я со своим другом в одной постели спать не могу, не те у нас отношения.

– Ой, – выдохнула я, воззрившись на водителя.

– К-костя, – слегка заикаясь от удивления, спросила Галина Сергеевна, – к-как это понимать?..

Дальше развивать свою мысль она не стала, так как представить Шилова в голубой ипостаси просто не могла.

– Да ну вас! – рассердился Костя. – Просто мой друг – женщина.

– О господи, – с облегчением вздохнула я. – Так бы и говорил – подруга. А то заладил: друг, друг! Тут поневоле всякие мысли в голову лезть начнут про не те отношения.

– Ирина Анатольевна, – дернулся Костя, – уж от вас-то я таких намеков не ожидал.

– Ну извини, – смутилась я. – В следующий раз выражайся яснее.

– Простите, – теперь пришла очередь смущаться Шилову. – Просто Катю у нас в части никто как женщину не воспринимал, а кто пытался, тот очень быстро раскаивался. Поэтому у и привык относиться к ней как к другу и называть так же.

– И куда же мне теперь деваться? – спросил Павлик в пространство. – Неужели мерзнуть всю ночь? Я ведь, между прочим, на тебя, Костя, надеялся и запасным вариантом не озаботился.

– Какой ты непредусмотрительный, Паша, – укорила его Галина Сергеевна. – Ладно, не ной: переночуешь у нас, если тебя устроит раскладушка.

– Галина Сергеевна! – возопил воспрявший духом оператор, перед внутренним взором которого больше не маячила перспектива холодной ночевки. – Вы лучшая из представительниц женского пола, а я ваш вечный раб.

– Ну-ну, – саркастически хмыкнула режиссер. – Ты насчет вечности не поторопился? Она ведь ой какая длинная...

– Ну, – протянул Павлик, – по крайней мере, я готов исполнить ваше любое желание.

– Тоже неплохо, – согласилась Галина Сергеевна. – Исполни. Повелеваю: немедленно помирись с Лерой, так как сил моих больше нет смотреть на ее кислую физиономию.

При этих словах Лера гордо вскинула подбородок и поджала губы, всем своим видом показывая, что в Павликовых извинениях не нуждается. Однако тот явно обрадовался возможности одним махом уладить два дела: помириться с Лерой, как было приказано, и дешево расплатиться за ночлег.

– Лерочка! – театрально взвыл оператор, вывернувшись назад, как только смог, и молитвенно сложив руки. – Прости недостойного, посмевшего вызвать на твоём лилейном челе

морщинку и лишившего окружающих твоей лучезарной улыбки. Не заставляй меня горестно биться головой о стену и пугать своими стенаниями наших коллег!

– Интересно было бы на это посмотреть, – ехидно процедила Лера – это были ее последние капли обиды, перед тем чтобы оттаять окончательно. – Ладно, считай уж, что ты прощен.

– Все, господа, – подвела я черту ко всеобщей радости, так как мы уже подъезжали к телецентру. – Прекращаем этот показательный балаган и разбегаемся по своим делам. Павлик и Костя – за батареей, а дамы за мной в кабинет.

– Ирина, а вы ничего не забыли? – окликнула меня вышедшая из машины Лера.

– А что я могла забыть? – Я замерла на полдороге.

– К Косте приехал армейский друг, – со значением протянула наша помощница, упирая на слово «армейский».

– А я здесь при чем? – До меня все еще не доходило.

– О господи! – закатила глаза Галина Сергеевна. – И это я должна напоминать тебе о твоей затее! Ирина, напряги извилины: армейский друг, который подруга, ну?

– О, извините, – смутилась я. – Это пироги Людмилы Ивановны так плохо повлияли на мои умственные способности.

– Ты еще скажи, что любой творческий человек должен быть злым и голодным, а не только поэты, – съехидничала наш главный режиссер.

– Нет, наверное, только телеведущие, вроде меня, – я буркнула последнюю отговорку и обратилась заговорщицки к Косте: – Скажи, а твоя армейская подруга надолго приехала?

– Да, у нее в Тарасове довольно много дел, так что две-три недели она здесь пробудет.

– Замечательно, – мурлыкнула я с выражением хищной кошки, заметившей дичь. – А ты мог бы привести ее завтра к нам в студию?

– Могу, – пожал плечами Костя, – а зачем?

– Хочу пригласить ее поучаствовать в нашей передаче. Как ты думаешь, она согласится?

– Понятия не имею. Вообще-то Катя не очень любит публичность...

– Это поправимо, – махнула я рукой. – Ты только приведи, а уж я постараюсь ее уговорить.

– Хорошо, Ирина Анатольевна, до завтра.

– До завтра, Костя.

Я наконец-то выбралась из машины вместе с Галиной Сергеевной, которая всю дорогу до нашего кабинета рассматривала меня как редкий музейный экспонат и не бросила своего занятия даже после того, как мы расселись каждая за свой стол.

– Галина Сергеевна, – не выдержала я, – у меня что, прическа не в порядке?

– Все у тебя в порядке, – вздохнула она. – И даже более чем... Я вот смотрю на тебя и думаю: ведь не хотела я связываться с твоей военной передачей, как бог свят не хотела, а не выдержала. Веревки ты из людей вьешь, Ирочка.

– Разве? – немного рисуясь, переспросила я. – Ничего такого я за собой не замечала.

– А тебе и не надо замечать, само собой все получается. Ладненько, я так понимаю, что теперь, когда героиню ты практически нашла, передача с Людмилой Ивановной тебя больше не занимает, а потому ложится целиком и полностью на наши с Лерой хрупкие плечи?

– Ну почему же? – возмутилась я. – Про старушку мы все доделаем вместе, а с Костиной подругой я встречусь завтра, пока Павлика не будет, и постараюсь договориться на следующую неделю. Все пойдет по графику.

– Да? – скептически осведомилась Галина Сергеевна. – Ну-ну, твоими устами да мед бы пить, а вот мое сердце чувствует, что все пойдет кувырком.

– Перестаньте, – отмахнулась я, – зачем вам лавры Кассандры? Что будет, то и будет.

– Фатализм, знаешь ли, тоже не всегда к добру приводит, – парировала Галина Сергеевна.

– Но и плохое тоже видеть не обязательно во всем, когда можно найти что-то и хорошее. Например, до конца рабочего дня осталось всего два часа.

– И что из этого следует? – поинтересовалась до сих пор молчавшая Лера.

– Только то, – ответила я, – что можно успеть уже сегодня довести до ума сценарный план передачи с Перовой, чтобы завтрашнее утро было целиком и полностью свободным.

– Вот об этом я и говорила, – ехидно отметила Галина Сергеевна. – Начинается гонка, хотя сегодня всего-навсего понедельник.

– Лично у меня, – снова вмешалась Лера, – он начался еще в субботу. Так что я не против поработать в темпе.

– Вот и отлично, – резюмировала я.

Таким образом, за оставшееся от рабочего дня время мы успели сделать все намеченное мною и даже более того: бесценной Галине Сергеевне удалось изловить шефа и этот план утвердить. Теперь можно было с чистой совестью отправляться по домам, что мы и сделали. Я снова пошла пешком, полной грудью вдыхая влажный, почти весенний воздух. Даже как-то не верилось, что зима еще может вспомнить о том, что февраль по праву принадлежит ей, и отыграться на жителях Тарасова морозами и снегопадами. Понедельник прошел для меня настолько удачно, что я готова была любить весь мир, а особенно одного человека – своего милого Володю. Домой я сегодня возвращалась без опозданий, поэтому вполне могла побаловать мужа собственноручно приготовленным ужином, например, его любимыми блинчиками. А что? Вот приду и приготовлю.

– Володенька! – позвала я, открывая дверь и входя в прихожую. – Я дома!

Полная тишина была мне ответом. Странно, в это время муж должен был возвратиться с работы. Более того – на кухне, в ожидании любимой жены ему полагалось старательно изводить продукты питания в попытке приготовить что-нибудь более-менее съедобное. Где же его, интересно, носит?

Я сняла пальто и сапоги и прошла в комнату. На журнальном столике обнаружила записку, прислоненную к коробочке с моей орхидеей. Текст был следующим: «Ириша, меня припрягли принимать пересдачу у вечерников, поэтому буду поздно. Целую, Володя».

Вот так-то! Целует он меня, видите ли. А мне с этих виртуальных поцелуев, между прочим, не холодно и не жарко, я предпочитаю целоваться в реальном мире.

Раздражение мутной волной толкалось в затылок. В кои-то веки я пришла домой вовремя с мыслями о вкусном ужине для мужа, а его нет. Я плюхнулась в кресло и взяла в руки коробочку с цветком, надеясь, что раздражение уgomонится от созерцания этого ботанического чуда. Умом-то я понимала, что не права, но сознание собственной неправоты вовсе не способствовало улучшению настроения. Где-то на краю сознания уже начинался злобный внутренний монолог на тему вечной неправоты женщин, несчастных, угнетенных и обиженных. С этим безобразием нужно было срочно что-то делать, иначе по возвращении уставший муж рисковал обнаружить в квартире не любимую жену, а кошмарную фурию, мечтающую не накормить главу семьи, а разбить о его голову пару-тройку тарелок.

Я решительно вернула на столик коробку с цветком, гордым своей в данный момент бесполезной красотой, нащарила пульт от музыкального центра и нажала клавишу «плей», памятуя о том, что с утра в дископриемнике остался сборник моих любимых классических произведений. Вместо ожидаемых скрипок или органа в уши мне ударил рев электронной какофонии и истеричный голос, надрывно вопящий с интонациями жертвенного козла.

Боже мой, что это? Не помню, чтобы у нас в фонотеке было хоть что-то подобное, откуда это взялось? Неужели Володя купил? Никогда не подозревала, что ему может нравиться такое. Неужели я так плохо знаю своего мужа? Нелепые мысли металась в моей бедной голове, а уши разрывала кошмарная музыка. Я сидела, не в силах шевельнуться, пока композиция не закончилась, а с первым мгновением тишины судорожно принялась давить кнопку «стоп»,

словно боялась не успеть. Потом какими-то крадущимися шагами подошла к музыкальному центру и оглядела его окрестности в поисках упаковки от злосчастливого диска.

Ее я обнаружила сразу же: стандартная коробочка для компактв, на аляповатом вкладыше которой змеилась дарственная надпись: «Любимому преподавателю от преданной студентки ко Дню святого Валентина». Ох! Меня так потрясла мысль о том, что мы все на студии с этим мужским днем совсем забыли о недавно прижившемся в России празднике всех влюбленных, что я сначала даже не обратила внимания на смысл дарственной надписи.

Я понеслась в прихожую, выудила из своей рабочей сумки блокнот и ручку и принялась строчить дополнения и изменения к сценарному плану. Так как наша программа выйдет сразу после Дня святого Валентина, то будет просто замечательно несколько потеснить бонсай, уделив внимание семейному счастью всех поколений Перовых, начиная с патриархов и заканчивая достигшими возраста первой любви внуками. Красота! Надеюсь, Галина Сергеевна все это одобрит. Все равно материалов мы пока отсняли немного.

Я удовлетворенно поставила жирную точку в конце своих заметок, радуясь тому, что озарение настигло меня вовремя. Настроение исправилось, с таким не грех и застряпню приниматься. Вот только переоденусь...

Когда я застегивала последнюю пуговку халатика, на глаза снова попала злосчастливая упаковка. «Любимому преподавателю...» Так-так-так... «...от преданной студентки...» Интересно, а где происходило вручение этого подарка? Прямо в нашей квартире? А потом совместное прослушивание одного подарка? И где сейчас мой муж на самом деле? Так-таки экзамены принимает? У кого? У той самой преданной студентки?

Не помня себя от ярости, я, как была в халате, кинулась в прихожую, впрыгнула в сапоги и напялила пальто, не очень соображая, что собираюсь делать, и рванулась к двери. Неожиданно подвернувшийся каблук помешал мне выскочить из квартиры, так как я упала и больно ударилась коленом. Боль способствовала отрезвлению. Ну и куда я собралась и на кого буду похожа, когда влечу в университет в таком виде? Да уж, конечно, не на звезду местного телевидения.

Я поднялась с пола, сняла пальто с сапогами и вернулась в комнату. Нет, так нельзя, я все сама выдумываю, Володя любит меня больше всех на свете и ничего подобного никогда не совершит. Но, один раз подняв голову, змея ревности не собиралась легко успокаиваться. Она продолжала пялиться на меня своими холодными глазами и ехидно дразнить раздвоенным языком. Я поняла, что успокоиться не смогу, пока не увижу мужа, а дожидаться его, сидя дома, у меня нет сил.

Я снова переделалась в рабочий костюм, спрятала халатик в шкаф, записку вернула на прежнее место: словом, сделала вид, что меня дома не было. В прихожей я достала свои ключи и аккуратно засунула их в свою комнатную тапочку, создавая для себя повод для столь позднего визита в университет.

До корпуса химического факультета я добралась довольно быстро, так как меня увидел наш сосед, автолюбитель.

– Добрый вечер, Ирина Анатольевна, – вежливо приветствовал он меня. – Вас подбрисить?

– Да, если вам по пути, – улыбнулась я ему. – Ключи забыла, а муж еще в университете.

– Садитесь, я как раз на вокзал, тещу встречать.

Разговорчивый сосед всю дорогу пытался выведать у меня, о чем будет следующая передача, чтобы порадовать свою половину, но мне не хотелось разговаривать, поэтому я отделялась стандартными фразочками типа: «Женское счастье» всегда о женском счастье во всех его проявлениях», «Никогда ничего не говорю заранее, так как боюсь сглазить». По-моему, сосед обиделся, но довез и пожелал успехов. Ладно, потом как-нибудь извинюсь.

Вахтерша меня сразу узнала и заулыбалась, начав выкладывать всю информацию, не дожидаясь вопросов с моей стороны:

– Ирина Анатольевна, здрасте! А Владимир Николаевич в сто седьмой аудитории, экзамен принимает вместе с Виталием Сергеевичем, они уже скоро освободятся. Виталий Сергеевич курить выходил, так я его спросила, скоро ли закончат, а он сказал, что еще три балбеса осталось. – Вахтерша хихикнула и пояснила: – Это он так студентов называет. Так вы станете ждать или пройдет?

– Спасибо вам, я пройду, – вежливо поблагодарила я словоохотливую женщину, чувствуя, как отлегло от сердца.

Пока я шла по полутемному коридору, навстречу попались два здоровенных парня, которые радостно скакали горными козлами, шепотом выкрикивая благодарности:

– Слава богу, что у нас Лебедев принимал! Пойдем обмоем это дело!

Памятуя о сведениях вахтерши, я сообразила, что «балбес» остался всего один, значит, мой муж и в самом деле скоро освободится. Однако сердце требовало увидеть «балбеса» собственными глазами и убедиться, что это именно балбес, а не балбеска. Я заглянула в аудиторию. На звук заскрипевшей двери трое присутствующих лиц мужского пола дружно повернулись к двери.

– Ирочка, – заулыбался Володя. – Ты как здесь?

– Ключи забыла, – буркнула я.

– Бедная моя, – посетовал супруг. – Подожди чуть-чуть, ладно?

– А чего ждать? – улыбнулся мне Виталька, а потом повернулся к великовозрастному студенту с густыми усами: – Читайте, господин Соколов, что вам сказочно повезло: явление Ирины Анатольевны сделало меня мягким и покладистым, поэтому я ставлю вам тройку и отпускаю с миром до следующей сессии.

Усач залился краской, неверящими глазами уставился в зачетку, где рука Белоусова уже выводила заветную тройку, потом цапнул свой замызганный документ, словно боялся, что тот исчезнет, и выскочил из аудитории, прокричав напоследок «спасибо» и «до свидания». Наверное, побежал догонять тех двоих, попавшихся мне навстречу.

– А что, – поинтересовалась я, – у вас сегодня только парни экзаменовались?

– Ага, – с хрустом потянулся Белоусов. – С девчонками я днем разобрался и так устал, что уговорил нашего декана позволить мне принимать пересдачу у парней вместе с Володькой.

– А ты, естественно, согласился? – уточнила я у мужа.

– Как же я мог отказать другу, если он за мной домой приехал? – изумился Володя. – Ты извини, Ирочка, я же не знал, что ты ключи забудешь.

– Да ладно, – отмахнулась я, – сама виновата. Вот только есть хочется страшно!

– Господа, – предложил Виталька, – а пойдете-ка с вами в кафе? Я угощаю.

– С чего столь широкий жест? – подозрительно спросила я.

– Так я ж у девчонок сегодня пересдачу принимал, – пояснил Белоусов. – Они субсидировали. Любят они меня. Одна даже диск подарила какой-то металюжный с дарственной надписью, кретинка. Я у вас его слушать пытался, так Володька на первых тактах центр вырубил. Испортила ты ему вкус, Ирина, своей классикой.

– Но-но! – возмутилась я, хотя на душе стало легко и свободно. – Не трогай святое своими руками грязного панка!

– Почему грязного? – оскорбился Виталька. – Я чистый и даже при галстуке.

– Не спорьте о вкусах, – примиряюще поднял руки Володя. – Раз мы оба при галстуках, а Ирина всегда выглядит прекрасно, то идемте в кафе ужинать.

И мы пошли есть пиццу и запивать ее апельсиновым соком.

Глава 3

– Привет, девочки, вы одни? – Галина Сергеевна вошла в кабинет с тем же самым вопросом, что и вчера.

– Нет, – ернически заметила я, – с нами наши умные мысли, которые мы хотим изложить вам.

– А по какому поводу? – спросила наш главный режиссер, прихорашиваясь у зеркала.

– По поводу Дня святого Валентина.

– О нет! – воскликнула Галина Сергеевна, всем телом поворачиваясь ко мне. – Ирочка, я тебя ценю за твою светлую голову, но давай ненадолго притормози свой фонтан идей. Скажи спасибо, что я смирилась с твоим проектом по поводу военной передачи, которую можно было бы и не делать, но еще одного изменения графика мое старое сердце просто не вынесет.

– Так уж и старое, – улыбнулась я. – Вы у нас вечно молодая и самая обаятельная.

– Ирина, – Галина Сергеевна опустила в кресло, – ты меня пугаешь. – Чем это? – изумилась я.

– Тем, что если ты с утра пораньше начинаешь рассыпать комплименты, значит, тебе от меня что-то надо. И это «что-то» никак не может быть маленьким. Я угадала?

– Почти, – скромно ответила я. – Мне нужно, чтобы вы проглядели мои заметки, которые я сделала вчера вечером, сообразив, что мы с вами упустили такой милый праздник, как День святого Валентина, который будто специально создан для нашей передачи.

Галина Сергеевна с сомнением покачала головой и углубилась в мои записи. Через несколько минут она облегченно вздохнула и соизволила благосклонно улыбнуться:

– С этими замечаниями я вполне согласна. Думаю, что Евгений Иванович такие изменения в сценарном плане тоже одобрит. Давай-ка мы с Лерой сейчас быстренько все сделаем.

– А я?

– А ты готовься встречать свою военную героиню. Я, когда шла сюда, видела из окна, как Костик заходил в телецентр с какой-то девушкой, думаю, что это и есть его «армейский друг».

Последние слова Галина Сергеевна произнесла с неподражаемой интонацией затаенного понимания, сдобренного изрядной порцией ехидства. Я вопросительно уставилась на нее, взглядом требуя пояснений.

– Ты сама сейчас все увидишь и поймешь. Мне кажется, что Павлик вчера оказался лишним вовсе не из-за отсутствия посадочных мест, а просто лишним. – Говоря все это, Галина Сергеевна смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

Вот уж не дождетесь!.. Хватит того, что я вчера вела себя, как ревнивая дурища. Так это хотя бы было понятно: все-таки любимого мужа приревновала. А ламуры Кости меня не волнуют ни в малейшей степени.

– Кстати, – равнодушно поинтересовалась я, уводя разговор от неприятной темы, – вам-то Павлик не мешал?

– Нет, не мешал, – все тем же тоном ответила главный режиссер. – Нам с мужем уже никто не мешает. Он вчера даже рад был гостю: до полночи обсуждал с Павликом политику правительства под пиво на кухне, пока я их не разогнала. Мне еще их обоих с утра будить пришлось и завтраком кормить.

– Именно поэтому вы и опоздали, – заключила я вместо нее, позволив крохотное издевательство. – Именно поэтому, – совершенно серьезно подтвердила Галина Сергеевна.

Наш увлекательный диалог закончился одновременно с раздавшимся в дверь стук.

– Да-да, – откликнулась я.

– Доброе утро, Ирина Анатольевна, – наш кабинет озарился улыбкой Костика. – Познакомьтесь, это Катя.

Из-за широкой спины шофера вышла чуть-чуть уступающая ему в росте девушка и с достоинством поздоровалась:

– Доброе утро.

Вошедшая обвела нас всех внимательным взглядом слегка прищуренных зеленых глаз, и уголки губ ее чувственного рта слегка дернулись, складываясь в улыбку. Похоже, мы произвели на нее благоприятное впечатление. Меня слегка позабавило это, и я в свою очередь стала разглядывать девушку, в то время как Галина Сергеевна предложила ей раздеться и уступила кресло, а Костя, шепнув своей подруге что-то на ухо, удалился, кивнув нам всем на прощание.

Девушка мне тоже понравилась, несмотря на довольно непривычную и даже не совсем женственную внешность: очень короткая стрижка, никаких украшений и косметики, свободный черный комбинезон, перетянутый в талии армейским ремнем, и грубые мужские ботинки. Во всех движениях девушки сквозила потаенная сила и какая-то звериная грация, только лицо еще хранило остатки женственности, особенно губы.

Катя уселась в кресло, повернулась ко мне и улыбнулась. Образовавшиеся на щеках ямочки необычайно ее красили.

– Ну что, давайте знакомиться? – спросила она дружелюбно.

– Давайте, – согласилась я. – Я Ирина Лебедева, ведущая программы «Женское счастье», если Костя еще не успел вам сказать.

– Почти не успел, – снова усмехнулась девушка. – Он вчера вернулся довольно поздно, помогал вашему оператору, устал страшно, поэтому успел только рассказать, как они вдвоем тащили батарею на шестой этаж, потому что лифт не работал. А утром попросил поехать с ним на телецентр, чтобы познакомиться с вами. Так вот, я – Катерина Горина.

– Очень приятно. Катя, а как вы смотрите на то, чтобы поучаствовать в нашей передаче «Женское счастье» в качестве главной героини? – сразу взяла я быка за рога.

– А каким боком, извините, я подхожу к вашей передаче? – Катя ответила вопросом на вопрос, с заинтересованным удивлением глядя на меня.

Пришлось напрячь все свое красноречие. Для начала я толкнула прочувствованную речь о разнообразии женского счастья в целом и тем нашей передачи в частности. Потом перешла непосредственно ко Дню Вооруженных сил и несправедливому приравниванию одного к Всероссийскому дню мужчин. Катя слушала меня не перебивая. А закончила я свое выступление, как мне показалось, очень убедительным пассажем:

– Ведь поступление в армию было вашим сознательным выбором, значит, вы счастливы. А я хочу показать в своей передаче, посвященной Дню Вооруженных сил, что женщине есть место везде.

По лицу моей собеседницы промелькнула какая-то непонятная тень, Катя прикусила нижнюю губу, потом спросила:

– Ирина, где у вас можно покурить?

– В коридоре, возле лестничной площадки, – оторопело ответила я.

– Вы не составите мне компанию?

– Я вообще-то не курю, – продолжала недоумевать я, – но постоять рядом могу.

– Вот и хорошо, пойдемте, – заключила Катя, вставая.

Я двинулась за ней следом, спиной чувствуя раскаленные любопытством и недоумением взгляды своих коллег. Мы дошли до неофициально узаконенного места для курения, там Катя достала из нагрудного кармана пачку сигарет, шелчком выбила одну, шелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и, выдохнув длинную струю дыма, задумчиво устала на его расплывающиеся клубы.

– Катя, – не выдержала я, – так вы согласны принять участие в нашей передаче?

– Даже не знаю, что сказать, – задумчиво протянула она, снова глубоко затягиваясь. – Вы даже не представляете, какие воспоминания вы пробудили во мне своими словами о свобод-

ном выборе. А счастлива ли я в армии? – Она горько усмехнулась. – Очень сложный вопрос, очень...

– Ну хорошо, – торопливо заговорила я, – «Женское счастье» – это вовсе не обязательно передача о счастливых женщинах, давайте просто сделаем передачу о месте женщины в армии. Вы расскажите о своих проблемах...

– О проблемах? – откликнулась Катя. – Что ж... над этим стоит подумать...

– Подумайте, Катя, подумайте, – горячо подхватила я. – Костя сказал, что вы пробудете в Тарасове две-три недели, а наша передача должна быть двадцать второго, так что у вас впереди почти целая неделя, чтобы подумать. Мы с вами вместе обсудим, что бы вы хотели сказать телезрителям, на какие вопросы вам будет интересно ответить...

– Не беспокойтесь, Ирина, – улынулась Катя, гася сигарету. – Вы меня почти убедили.

– Что еще я должна сделать, чтобы исчезло это самое «почти»? – спросила я, тоже улыбаясь.

– Перейти со мной на «ты», – совершенно серьезно ответила девушка, только в глазах ее пряталась лукавая улыбка да чуть подрагивали уголки губ.

– Запросто! – обрадовалась я. – Пойдем в кабинет, там разговаривать удобнее.

– Сразу видно, что ты никогда не курила, – вздохнула Катя, – иначе знала бы, что все самые важные дела решаются в курилках.

– Может быть, – философски пожала я плечами, – только это не для меня: терпеть не могу никотина.

– Тогда мне тебя жалко, – усмехнулась моя новая героиня, – потому что львиная доля наших с тобой разговоров будет происходить именно в курилке: я не могу долго обходиться без сигарет.

– Для дела я еще и не такое вытерплю! – оптимистично заявила я, открывая дверь кабинета и натываясь взглядом на Павлика, который уже успел прочно утвердиться в кресле. – Привет, Павлик, как твоя батарея?

– Все в порядке, уже греет, хоть и проела в моем бюджете изрядную дыру...

– Здравствуй, Павел, – прервал счастливые излияния нашего оператора холодный до изморози голос Кати, вошедшей в кабинет следом за мной.

– Познакомься, – я не успела притормозить со своей репликой, хотя почувствовала возникающее напряжение, – это героиня нашей будущей передачи, Катя Горина.

– Катя?! – переспросил внезапно побледневший и утративший весь свой задор Павлик. – Ты?!

– Я, – подтвердила девушка, обогнув меня, ничего не понимающую, и подходя к оператору. – А что тебя так удивляет? Может быть, ты уступишь мне место? Или за шесть лет ты так и не научился галантности?

– Да-да, конечно, – Павлик суетливо вскочил со своего кресла, – садись, пожалуйста.

Катя непринужденно развалилась в кресле, закинув ногу на ногу, и снова посмотрела на Павла. Глаза ее сузились, а на губах блуждала недобрая улыбка.

– А ты, я смотрю, осуществил свою мечту и работаешь на телевидении? Вот только не в Москве, да? Недотянул... Как же ты так? Ирина, – это уже ко мне, – Павел хороший работник?

– Он один из лучших операторов, – ответила я, окончательно перестав понимать что бы то ни было.

– Ну и то слава богу, – удовлетворенно покивала Катя. – Я тоже не пропала, можно сказать, именно благодаря тебе, Павел, нашла свое место в жизни. В Чечне.

– Катя, прошу тебя, перестань... – На Павлика было больно смотреть, таким жалким был его вид. – Зачем ворошить прошлое?

– Не буду, не бойся, – взгляд девушки на мгновение вспыхнул презрением и погас. – Я здесь совсем не для этого, да и не ожидала тебя увидеть, если честно.

До меня начало доходить, что эти двое когда-то были знакомы и расстались отнюдь не друзьями. Ой как плохо! Не хватало, чтобы из-за старых недоразумений моя договоренность с Катей пошла насмарку. Надо срочно что-то делать.

– Катя, – как можно более спокойным тоном заговорила я, – ты не хочешь кофе?

– Хочу, – согласилась она, вставая. – Пойдем. Здесь поблизости есть какое-нибудь место, где можно выпить настоящий кофе, а не растворимую бурду?

– Можно. В пяти минутах ходьбы, – подтвердила я, вспомнив, что самый лучший кофе я пила в гостях у Анны, героини рождественской передачи, которая что-то такое говорила о прошлом нашего оператора, осмелившегося протянуть гадалке свою ладонь.

– Одевайся, я тебя подожду на лестнице, – сказала Катя, ухватив под мышку свою куртку и проходя мимо Павлика, застывшего соляным столбом.

– Что это было? – поинтересовалась Галина Сергеевна. – Павел, ты не хочешь нам объяснить?

– Не сейчас, – буркнул парень, выскакивая из кабинета.

– Не нравится мне все это, – протянула Галина Сергеевна. – Похоже, Ирина, ничего не выйдет из твоей затеи.

– Это мы еще посмотрим, – заявила я, влезая в пальто. – Она уже согласилась, а отказа я не приму.

– Ну-ну.

Лера не сказала ни слова, она молчала, нервно кусая губы и глядя в пространство ничего не видящими глазами. Но мне сейчас было не до переживаний нашей помощницы, мне нужно было выяснить судьбу своей передачи. Со всеми остальными разберусь после.

Я поспешно вышла из кабинета и быстро направилась к лестнице. Не успела я повернуть за угол, как услышала голоса Павлика и Кати.

– Ты должна меня понять! – горячо убеждал свою собеседницу оператор. – Ты ведь еще тогда говорила, что все понимаешь!

– Павел, тебе лучше уйти. Не нужно ворошить прошлое. Я сама зря сегодня сорвалась. Просто Ирина меня зацепила свободой выбора...

– Катя, ну нельзя же быть такой злопамятной!

– А таким бесчувственным, как ты, можно быть, скажи, можно?

– Я ведь тоже переживал...

– Переживал он, – хмыкнула девушка. – Сколько раз еще ты переживал подобным образом за эти шесть лет? Два, три раза? Или больше?

– Только с тобой...

– Благодарю за честь! Уходи, Павел, уходи! Обещаю тебе, что буду вести себя при наших следующих встречах как ни в чем не бывало. А сейчас уходи.

Мимо меня пробежал, чуть не сбив с ног, красный и злой оператор. Его путь вел отнюдь не в наш кабинет, к любимому креслу. Я перевела дух, постаралась сделать непроницаемое лицо и подошла к Кате. Она опять курила, безучастно глядя в окно.

– Ну что, идем пить кофе?

Девушка только молча кивнула и выбросила сигарету в кофейную банку, заменявшую нашим телецентровским курильщикам пепельницу. Видимо, это судьба всех кофейных банок, попавших в организацию, а не в квартиру.

Катя молчала всю дорогу и даже заказывать кофе в кафе предоставила мне. И чем дальше, тем меньше мне нравилось ее молчание. Наконец я не выдержала и заговорила:

– Катя, конечно, это не мое дело...

– Не твое, – кивнула она, соизволив поднять глаза от чашки, – но я все-таки расскажу тебе то, чего никогда никому не рассказывала. Заодно ты все обо мне узнаешь и решишь, нужна тебе такая героиня передачи или нет.

– Знаешь, – я участливо положила ладонь на ее руку, – ты мне симпатична, поэтому я в любом случае не откажусь от своей идеи сделать тебя героиней.

– Не спеши, сначала выслушай...

И вот что мне рассказала Катя... Восемь лет назад провинциальная девочка, бывшая воспитанница Тарасовского детского дома, найденная его директрисой во время прогулки по Соколовой горе, за что и получила фамилию Горина, поступала в театральное училище. На подготовительных курсах она познакомилась с обаятельным Павликом Старовойтовым и влюбилась в него без памяти. Через месяц наивная Катюша рисовала в своих мечтах радостное знакомство с семьей любимого, свадьбу, на которую пригласит директрису, заменившую ей мать... Дальше мечты не конкретизировались, расплываясь розовым туманом. А еще через месяц, когда должны были начаться вступительные экзамены, Катя узнала две новости: хорошую и не очень. Хорошая, как ей тогда показалось, заключалась в том, что девушка забеременела от любимого, которому подарила свою невинность без всяких колебаний, будучи совершенно уверенной в силе ответного чувства. Ее даже не смущало, что Павлик приглашает ее домой только тогда, когда его родители уезжают на дачу. Не очень хорошая заключалась в том, что любимый передумал поступать в театральное училище, а спешно засобиравшись в Москву, так как у предков нашлась протекция в институте кинематографии, заведении не в пример более престижном, нежели Тарасовское театральное.

Катюша огорчилась, но не очень, так как готова была ехать за Павлом хоть на край света. Однако любимый ее порыв не воспринял с ожидаемой радостью, напротив, стал убеждать ее никуда не ездить. Катя слегка оторопела, но расценила все это исключительно как заботу о собственном благе, так как в Тарасове педагог уверил ее в поступлении и получении места в общежитии, а Москва сулила массу проблем. Катюша легко рассмеялась – она тогда очень часто смеялась – и закрыла любимому рот ладошкой, чтобы поведать о своей беременности. И тут ее постигло самое горькое в жизни разочарование.

Павлик не выказал никакой радости, самым подходящим эпитетом для описания его тогдашних эмоций был гневный испуг. Сначала он выразил сомнение в состоянии девушки, долго молчал, а потом принялся уговаривать ее избавиться от ребенка. Катя была в шоке. Проведя всю жизнь в детдоме, она даже помыслить себе не могла, что решится избавиться от ребенка. Но Павел был неумолим, вернее, он умолял, требовал, грозил, словом, прилагал все усилия, чтобы Катя согласилась с его решением.

Павлик не может, не хочет и не желает обременять себя семьей в столь юном возрасте, когда перед ним открывается такая замечательная перспектива. Он не может, не хочет и не желает, чтобы Катя испортила жизнь ему и себе этим самым ребенком. Его не поймут родители, его не поймут друзья, его жизнь будет непоправимо загублена.

Девушка еще пыталась образумить Павла, говоря о силе своих чувств, утверждая, что любовь способна преодолеть все преграды, пока парень не произнес самые страшные слова, которые потом будут мучить ее всю жизнь:

– Да какая там любовь! Если бы я не поверил приятелям, что детдомовки ушлые девицы, огни и воды прошедшие, и с ними можно не бояться последствий, то сразу бы с тобой не связался!

Катя потеряла дар речи. Павлик осекся, поняв, что сказал лишнее, принялся ее утешать, клясться, что никогда не забудет, что будет писать и приезжать на каникулы к ней в Тарасов, и упорно продолжал настаивать на том, чтобы она избавилась от ребенка. Девушка только молча кивала с застывшим лицом, потом встала и пошла к двери.

– Ты куда?

– Неважно, – ответила она. – Ты прав, я не буду ломать тебе судьбу.

Всю ночь Катя ходила по городу, а на следующее утро пришла в родной детдом и попросила у директрисы денег, не объясняя, зачем они ей нужны. Девушке полагалось мизерное

выходное пособие, а директриса, женщина понимающая и привязанная к своей воспитаннице, лишних вопросов задавать не стала, а просто открыла кошелек и выдала Кате просимую сумму. Девушка поблагодарила и ушла с твердым намерением больше никогда не возвращаться сюда.

Через неделю, опустошенная физически и морально, Катя Горина стояла на пороге военкомата.

– А ты говоришь, свободный выбор, – невесело улыбнулась Катя, закончив свою исповедь.

– Какой кошмар, – выдавила я, потрясенная ее рассказом. – Катя, неужели тебе не приходило в голову, что ты можешь полюбить еще раз, встретив хорошего человека? Зачем тебе понадобилось вообще идти в армию?

– Знаешь, я тогда, наверное, не очень-то понимала, что делаю. Мне просто было невыносимо оставаться там, где я была вместе с Павлом. О поступлении в вуз я вообще думать не могла. А еще казалось, что все знают о моем позоре, как-то так получилось, что я выросла с немного старомодными понятиями о чести. Наверное, Дина Петровна, директриса нашего детского дома, этому виной. А армия... Понимаешь, мне захотелось круто изменить свою жизнь, чтобы вообще ничего не напоминало о прошлом. В армии же дни заполнены под завязку, там некогда горевать. По поводу новой любви... Видишь ли, Ирина, желающих было много: кто хотел просто, как это говорят, развлечься, кто действительно имел серьезные намерения, но... – Катя замолчала.

– Что «но»? – подтолкнула я ее. – Договаривай. Неужели никто до тебя так и не достучался?

– Один человек почти смог, но я узнала, что никогда не смогу иметь детей: резус отрицательный, стрессовое прерывание первой беременности, нагрузки на неокрепший организм... Это мне в медсанчасти доктор объяснил, хороший такой старикан, правильный... А Игорек потом на медсестре женился, нам в часть писал, фотографию с сыном на руках присылал... Он очень хотел детей, понимаешь?

– Понимаю...

– Так я и осталась в армии, сначала на сверхсрочную службу, потом добилась перехода в контрактные войска, так как командир части что-то больно усердно стал меня задвигать на штабную работу.

– А разве это плохо?

– Может быть, и хорошо, но не для меня. Я не могу уже по-другому, не могу без армейского братства, моя военная карьера может быть только карьерой боевого офицера.

– А ты офицер? – спросила я.

– Да, я лейтенант.

– А в Тарасов ты в отпуск приехала?

– Не совсем. Вернее, совсем не в отпуск. Просто не хотелось останавливаться в военной гостинице, вот я и написала Косте. Мы с ним в Чечне вместе воевали, после одного случая стали почти братьями.

– Расскажи, – попросила я, так как жизнь Кости Шилова была для всех сотрудников телецентра тайной за семью печатями.

– А он сам разве ничего не рассказывал?

– Нет, он не из разговорчивых.

– Извини, Ирина, тогда я тоже не буду. О себе могу говорить сколько угодно, а о других – уволь.

– Ладно, – пожала я плечами, слегка обидевшись, но не подавая виду. – Так зачем ты все-таки приехала в Тарасов?

– Понимаешь, меня командир части направляет в высшее десантное училище как перспективного офицера, а так как я в армию уходила именно отсюда, нужны кое-какие доку-

менты. С почтовым запросом что-то тянут, вот меня наш подполковник и отправил лично. Велел спокойно на месте разобраться, все равно пока у нас там некоторое затишье, а мой зам с ротой справится, мужик толковый.

– Так ты собираешься и дальше продолжать воевать?

– Да, армия теперь навсегда стала моей судьбой, я уже не сумею жить по-другому... Да я говорила!

– Значит, ты все-таки счастлива?

– Ну, в какой-то мере, – усмехнулась Катя. – Если бы еще не было столько проблем из-за того, что я женщина!

– А их много?

– Больше, чем ты можешь себе представить! Знаешь, сколько мне пришлось доказывать, что я не хуже мужиков? Начиная с того, что меня вообще в армию брать не хотели.

– А много у нас в армии женщин? Не просто военнообязанных, а таких, как ты?

– Мало, таких, как я, вообще единицы. И командование вовсе не спешит предавать огласке этот факт. Хотя могли бы неплохо сыграть на нем.

– Каким образом? – заинтересовалась я.

– Неужели ты не знаешь, что в последнее время парней в армию палкой не загонишь? А если показать воюющих женщин, то это будет весомым аргументом для ужесточения призывных норм, дескать, женщины могут, а парни что?

– Ну и почему же тогда армейское руководство не хочет этим воспользоваться?

– Да потому, что ты и сама верно отметила во время нашего знакомства, что мужики вовсе не стремятся признать равенство полов, а уж военные – в особенности. Именно эта твоя фраза и подвигла меня согласиться на участие в передаче.

– Спасибо. – Честно говоря, меня порадовало Катино решение.

– Да не за что. Ты мне лучше скажи, что в твоих передачах вообще происходит? И что мне там делать придется?

– Лучше давай вернемся на студию, там можно будет просмотреть старые записи, так тебе понятнее станет. А то меня мои коллеги уже, наверное, потеряли. Я ведь должна быть на рабочем месте.

– А я и забыла, что у тебя работа, извини, расслабилась.

Мы вернулись в мой рабочий кабинет, где меня встретили укоризненные взгляды Галины Сергеевны. Я скорчила самое виноватое лицо, на которое только была способна, она в ответ понимающе вздохнула, изобразив всем своим видом «а я что говорила?», однако не сказала ни слова, вместо этого затребовала моего срочного участия в планировании дальнейших съемок с Перовой. Я нехотя согласилась, так как понимала, что мне предстоит стать одним из действующих лиц этих самых съемок, хотя очень не хотелось расставаться с Катей. Но пришлось передоверить мою гостью Лере, которая отправилась с ней в операторскую показывать старые записи.

Практически до конца рабочего дня мы с Галиной Сергеевной утрясали график съемок, так как неожиданно всплыла масса проблем: то был занят Павлик, который все-таки не прикреплен к нашей группе окончательно и бесповоротно, то члены семьи Перовых никак не могли выбрать для нас время... Одним словом, к вечеру у меня уже в голове мутилось от телефонных звонков. Ничего себе, легкая передача! Хотя жаловаться мне не на кого, сама все это затеяла. А Галина Сергеевна только ехидно на меня поглядывала, продолжая воплощать всем своим видом правоту, умещающуюся в набившую оскомину фразу «а я что говорила?».

Около пяти в кабинет вернулись Лера с Катей. Наша помощница тут же отобрала у меня телефонную трубку и принялась куда-то названивать, а Катя поманила в коридор.

– Ну что, Ирина, – сказала она. – Теперь мне практически все понятно. Твоя Лера замечательно умеет все объяснять. Я сейчас побегу, пора уже, а в среду, примерно к полудню, я

подойду. Ты что-то свое придумаешь к тому времени, я – свое, состыкуем, подумаем. А если что изменится, так связь будем держать через Костю.

– Договорились, – устало кивнула я и вернулась в кабинет.

– Ирина, иди к шефу, – сказала мне Галина Сергеевна.

– Когда это он успел меня вызвать? – удивилась я.

– Ты ему без надобности, а вот он тебе – нужен.

– Зачем?

– Поставишь любимое начальство в известность о своей затее.

– А не рано?

– В самый раз, – заверила меня Галина Сергеевна, – а то останешься без видеоматериалов.

– Каких это?

– Как то есть каких? Тех самых, где участвует твоя героиня. Лера звонила в Москву, так ей сказали, что требуется официальный запрос руководства. Или ты хочешь, чтобы Павлик снимал декорированную военной формой Катю во время разминки на спортивных снарядах? Мне кажется, что этого маловато будет.

– Я об этом еще вообще не думала, – отмахнулась я. – Мне с Перовой проблем сегодня хватило.

– Считай, что уже думаешь, причем усиленно. Катя сказала нашей Лере, что в Москве имеется достаточно видеоматериалов с ее участием, так как во время службы ее неоднократно снимали всяческие корреспонденты. Как только им становилось известно о женщине, наравне с мужчинами служащей в армии, так все они начинали облизываться на роскошный материал, тем более что Катюша еще и очень привлекательная особа. Да только никому не удавалось показать этот материал массам.

– Это я знаю.

– А раз знаешь, иди к шефу и старайся его убедить изо всех сил, иначе материалов не получишь, понятно?

– Понятно, – вздохнула я обреченно.

Не так мне виделся визит к шефу, не так. Я представляла себе, что приду к нему в кабинет и сообщу о практически готовой передаче, а тут приходится обсуждать возникшие трудности, причем готовить эту передачу мне никто не поручал. Собравшись с духом и посмотрев на себя в зеркало, я нацепила на физиономию самую обаятельную из своего набора улыбок и отправилась в кабинет к Евгению Ивановичу.

– Заходите, Ирина Анатольевна, заходите, – приветствовал меня шеф. – Чем обязан вашему визиту в конце рабочего дня?

– Дело в том, – начала я, лихорадочно подыскивая нужные слова, так как намек про конец рабочего дня был более чем ясен: дескать, выкладывай быстренько и убирайся, нечего начальство задерживать, – дело в том, что мне нужен от вас официальный запрос в Москву на видеоматериалы...

– Это на какие же? – поинтересовался шеф.

– Я решила сделать передачу ко Дню защитников Отечества, – бухнула я, словно решившись войти в ледяную воду. – Моя героиня – девушка-лейтенант, приехавшая на время в родной город. Так вот, мне нужны видеосъемки с места ее службы. Они хранятся в архивах Московского телевидения.

– Так-так, – побарабанил пальцами по столу Евгений Иванович. – А вы знаете, что это не бесплатно?

– Знаю, – сказала я, с надеждой глядя на шефа.

– А вы помните, что я вам не велел делать новую передачу к этому дню?

– Помню.

– И все-таки рискнули?

– Рискнула, – вздохнула я, прощаясь с надеждой.

– Молодец! – браво пристукнул по столу Евгений Иванович. – Хвалю за инициативу.

Рассказывайте.

И я в который раз принялась пересказывать соображения, подвигшие меня на подготовку этой передачи, затем перешла к рассказу о Кате.

– Ладно, – прервал меня шеф. – Мне уже все ясно. Завтра с утра зайдите ко мне, и мы вместе отправим ваш запрос по факсу, но...

– Что? – напряглась я, понимая, что за этим «но» могут скрываться неприятности.

– Инициатива наказуема исполнением. И не только. Если мне не понравится сделанная вами передача, то лично ваша премия, приуроченная к Женскому дню, пойдет на оплату этих самых материалов. Понятно?

– Понятно, – развела я руками.

– Все, можете идти.

– До свидания, Евгений Иванович.

Я возвращалась к себе в достаточно благодушном настроении, несмотря на финансовую угрозу шефа. Подумаешь, премии он меня лишит! Не зарплаты ведь. Да и не лишит: не может быть того, чтобы ему моя передача не понравилась! В этом я была уверена.

– Ну, что там? – спросила Галина Сергеевна, едва я открыла дверь. – Все в порядке или?..

– Все в порядке, – победно улыбнулась я. – Дамы, напомните мне, что у нас с вами на завтра намечено, и давайте расходиться по домам. Устала смертельно!

– У тебя завтра с утра романтическая встреча с внучкой Людмилы Ивановны и ее поклонником.

– Чьим? – не поняла я. – Людмилы Ивановны?

– Внучки, – раздраженно пояснила Галина Сергеевна. – Первокурсница филфака Люсенька Перова имеет счастье находиться в возрасте первой любви, а ты завтра будешь мило общаться с юными влюбленными, чьи чувства чистосердечно благословлены родителями с обеих сторон.

– Какой кошмар, – замогильным голосом промямлила я. – Чувствую себя мухой, увязшей в сахарном сиропе. Пусть будет проклят тот миг, когда в мою голову пришла идея не ограничиваться бонсаем.

– А я что говорила?.. – Честное слово, если я еще раз услышу эту фразу из уст Галины Сергеевны, то или сама удавлюсь, или совершу какое-нибудь уголовно наказуемое деяние над своей непосредственной начальницей. – А с одиннадцати утра ты снимаешь счастливую чету Перовых-старших в их фамильном гнезде. До этого времени должна успеть просмотреть то, что мы вчера наснимали, и решить, что годится, а что нет.

– А потом? – с тревогой спросила я.

– Потом поедешь в студию к Перовой-средней и ее мужу. Будешь любоваться живописью. Поэтому советую уже сегодня вечером подумать, о чем спрашивать дочку Людмилы Ивановны.

– Галина Сергеевна, вы моей смерти хотите? – жалобно поинтересовалась я.

– Ни в малейшей степени, – покачала она головой, – все это ты сама затеяла. Не вспомнила бы об этом треклятом празднике, так все было бы просто: поснимали бы себе деревца, поели бы пирожков – и все. А теперь изволь расхлебывать.

– Не сыпьте соль на рану! – взмолилась я.

– Буду, и не надейся, ты ведь и меня во все это втравила своей бьющей через край энергией, так что терпи.

– Лера, хоть ты за меня заступись, – я жалобно посмотрела на нашу помощницу.

– Не могу, – развела она руками. – Галина Сергеевна права, хотя, Ирина, я и на вашей стороне. Так любить свою работу, как это делаете вы, не каждому дано.

– Ехидна ты, Валерия, – вздохнула я, уловив насмешку в Лериной тираде.

– У меня учителя хорошие, – парировала она беззлобно и рассмеялась.

Мне ничего не оставалось, как присоединиться к ней. Галина Сергеевна посмотрела на нас подозрительно, ища оскорбительный намек в свой адрес, ничего не углядела и тоже улыбнулась. Таким вот улыбочивым трио мы и покинули свои рабочие места.

Сегодня вечером Володя был дома и жарил картошку. Мои вчерашние порывы готовить ужин показались мне сегодня дикими и неуместными, так гудела голова, а еще требовалось использовать ее по прямому назначению, то есть подумать.

– Ирина, что с тобой? – заботливо поинтересовался муж, глядя на мою страдальческую физиономию.

– Устала я, родной, очень устала.

– У тебя неприятности? – обеспокоился муж.

– Нет, все нормально, просто я устала.

– Бывает, – философски заметил Володя, переворачивая картошку. – Ты пойді посиди в креслице, послушай музыку, на орхидею полюбуйся... Авось полегчает. Все равно картошке еще минут десять жариться.

Предложение мужа показалось мне настолько заманчивым, что я цыкнула на поднявшую вдруг голову совесть и отправилась в комнату. Взявшись за пульт и уже почти нажав на клавишу воспроизведения, я резко отдернула палец, вспомнив вчерашнее звуковое безобразие. Но тут же успокоила себя, так как нагрянули более свежие воспоминания: утром-то меня разбудил Вагнер, а не хеви-метал. Однако Вагнера мне сейчас слушать не хотелось, пусть уж будет Вивальди. Я поменяла диск, включила музыкальный центр, вернулась в кресло, взяла в руки коробочку с цветком и блаженно расслабилась, стараясь отогнать противно сверлящую виски боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.